

НАД ПРОПАСТЬЮ ОГЭ

ОЛЬГА ЮДИНА
Переводчин и писатель.
Пишет сказки для детей
и фантастические рассказы
для взрослых. Публиковалась
в сборниках серии
«Петраэдр», альманахе

«Астра Нова», литера-
турном журнале «Рассказы».
Лауреат конкурса
«Самарские судьбы»,
победительница издатель-
ской программы форума
«Таврида».

Вообще-то мне наплевать.

И на ОГЭ, и на оценки. На то, кто как одевается, какую слушает музыку и все такое. Вообще не понимаю флеймов на эту тему.

А вот у наших девочек, в особенности у Костечковой «энд ко» (то есть Лены и ее ЛП – лучших подруг), это постоянно. Вчера еще прочитал в чатике: «Завтра объявляем бойкот Григорию».

И реально ведь устроили. Сидят такие, Гриху игнорят. Лена во главе. А Гриха не может спокойно жить, когда его игнорируют.

Встал перед Леной и орет, как буйно помешанный:

– Игнор, да? Да? А давай я карандаш из окна выкину!

И выкинул. Зачем, непонятно, но выкинул.

Но Гриха – это Гриха, он никогда не может вовремя остановиться.

– А хочешь, – кричит, уже красный весь. – Я сейчас пенал из окна выкину. И рюкзак. Ты этого хочешь, да?

А Костечкова «энд ко» не этого хотят. Они как раз хотят, чтобы он ушел куда подальше. Нет чтобы прямо послать, но у них все сложно – бойкот.

Вообще-то мне плевать. Но Гриха так разорался, что даже мои наушники переорал, так что пришлось вмешаться. Вытащил наушники из ушей.

– Гриха, – говорю, – ты вообще-то ведешь себя, как debil. А ты же не debil.

Тут он как-то поник, как-то сразу весь ссутулится.

– Иди в столовку сходи, успеешь как раз, – говорю ему.

И он пошел.

Я не знаю, почему Костечкова его бойкотируют. Он странноватый, это точно. Помню, прошлой весной притащился откуда-то, а у него клоп на шее сидит. Так Гриха додумался его на пол смахнуть и раздавить. Вонь стояла – фу. Его потом еще долго вонючкой называли. А он бесился, естественно.

Но вообще зря они так с Грихой. Он безобидный. Все хочет выпендриться, что-то кому-то доказать. Но получается плохо. Лучше бы он был такой, какой он есть. А он в целом-то неплохой. У него сестра есть мелкая. Он с ней вообще другой, нормальный парень.

А ему вон бойкот. Вообще я думаю, когда уже мне бойкот объявят. Я бы только за, вот честно. Это же вообще прикол. Ты такой приходишь, а тебя все игнорят. Круто же! Я бы порадовался.

А вообще если бы я и устраивал кому бойкот, так это Вовчику. Но его как раз не игнорят, боится.

Это Грихе можно сказать: «Ты ведешь себя, как debil». И он все поймет и утихнет.

С Вовчиком такое не пройдет. Потому что он бычить начнет.

– Ты че щаз сказал?

Он вроде мелкий такой, даже ниже девочек. Но ему нужно показать, что он тут крутой. Вот он и бычит на всех. Просто он из тех людей, что любя бычить, а я не люблю, когда бычат на людей.

Мы с ним воюем с шестого класса. Ну как, мы? Скорее, он. Мне-то в целом плевать. Хочет быть таким – его дело. Но мне он не нравится. Он когда к нам пришел – уже тогда был наглым. На всех тянул. Хотя еще не так было видно, что он на самом деле мелкий. А в седьмом классе так одну нашу одноклассницу достал, что она в другую школу перевелась. А ему что – он того и добивался.

А в этом году он себе новую жертву нашел, Катю Семенову.

Точнее, она сама нашлась. Он считает, что она его подставила как-то. Я не особо знаю подробности. Типа, он какую-то тетрадь с контрольной хотел у Максимки вытащить, а Катя мимо проходила и сдала его.

В общем, кого-то сдавать – это неправильно. Но и тянуть на кого-то целый год – тоже. А он весь год ей мстит, каждый день. Я этого не понимаю.

Я вообще многого сейчас не понимаю.

Встаю утром, иду в ванную, надеваю контактные линзы. С линзами мир обретает четкость.

Вот было бы супер, если бы можно было надеть линзы и еще там что-нибудь – и чтобы четкость обрело будущее. Вот чтобы – раз – и ты сразу понял, что нужно делать.

А пока ничего непонятно, вот ничегошеньки.

Понятно только, что мы совсем скоро закончим девятый класс, все разойдутся кто куда. Одно ясно точно – одним классом мы больше не будем. У нас сейчас четыре девятых класса, а десятых останется три. Нам учителя весь мозг вычерпали. К учебе нужно ответственно подходить, не всех возьмут в десятый.

Мама из-за этого тоже переживает.

А что там в десятом? Инженерный класс – для умных. Медицинский – тоже для умных. И обычный – для всех остальных.

А я какой? Умный или нет? Да вроде не дурак. А чем доказать? Что я вообще собой представляю?

И я не знаю, куда мне идти. Иногда кажется, что я вообще все слил в унитаз. У меня никаких талантов. Учусь я, скажем, нормально. Ну просто учусь как-то.

Вот легко быть Катей Семеновой. Ну вообще, нет, конечно, скорее всего, наоборот, сложно быть такой, как она. Но она точно знает, чего хочет. Медаль она хочет, вот что. Потому что отличница. То есть для учителей она отличница, а для нас – ботан.

И странная причем. С косой. Вообще кто сейчас косу носит?

Катю будто бы старая бабушка достала из сундука с нафталином, встряхнула, пыль смахнула – и в школу отправила.

Коса у нее, надо сказать, не особо. Какая-то блеклая и невзрачная.

А Лена у нас блогерша. Я смотрел ее блог. Так, ерунда какая-то, что-то там про ее жизнь. Как она ходила туда-то, смотрела то-то. И ладно бы там что – то пиццу ест на камеру крупным планом, то билетиком в кино машет.

Мне кажется, это глупо, но в общем, ее дело.

Короче, я надеваю линзы и иду в школу. Себя в зеркало вижу четко. Хотя что я там не видел? А вот будущего не вижу.

Я думал пойти в инженерный класс. Не потому, что мне нравится физика. Просто в медицинский я совсем не хочу. Точнее, не так. Мне биология нравится, интересная, а химия – нет. А в медицинском и то, и то. И идти в медицину – нет уж, спасибо, врачей мне в жизни хватило: два перелома, операция на аппендицит – хватит.

В общем, я решил пойти в инженерный. Зачем, правда, тоже не знаю.

Я еще в школу не успел прийти, как чатик оживился:

– Сегодня все забываем на англиш.

Я даже не обратил внимания, кто это предложил. Ну да, наша старая англичанка ушла посередине четверти, и нам с сегодняшнего новую поставили. Она только из универа, говорят. И нужно показать ей, кто в школе главный. Чтобы не зазнавалась. Да к тому же английский последним уроком.

А первым – литература.

Максимка что-то там вешает и тут вдруг выдает:

– Коса – девичья краса.

Я даже не понял, она вообще это к чему сказала.

Но все на Семенову, естественно, посмотрели. Потому что она у нас одна с косой.

А она, вижу, вся аж напряглась, что все на нее смотрят. А еще она сидит на первой парте, поэтому все взгляды ей в спину уперлись. Я предста-

Что-то там рассказывала про инговые формы. А я думал про бабушкину собаку Ингу. И представлял, как инговые формы глагола то скалят зубы, то машут хвостом.

вил, как они мелкими острыми рапирами колют ее и колют. Наверное, жутко неприятно.

Максимка и не поняла, что случилось. Но тут ей Вовчик все быстро пояснил.

Он загоготал. А у него смех такой еще, высокий и подхрюкивающий. И вызывающий:

– Что-что? Коса – девичья крысá? Семенова – ты у нас крысá.

Ну все подхватили, конечно, заржали.

А Катя даже не обернулась

– Ну-ка тихо! – рявкнула Максимка и продолжила дальше вещать.

А на перемене Вовчик продолжил:

– Крысá! Ну что, Крысочка наша, у тебя в твоём сундуке все такие крысистые?

И на следующей:

– Как твое крысиное семейство, уже весь сыр из мышеловки сожрало?

И так целый день. И не надоедает ему?

Шестым уроком был английский, и все ушли.

А я остался. Сам не знаю почему.

И когда в класс вошла англичанка, на первом ряду сидела Семенова (ну естественно), а на четвертом я.

– Так, – сказала англичанка, потом подумала и повторила: – Так. Видимо, у всего класса случился приступ поноса. Ну что же.

И провела урок для нас двоих. Что-то там рассказывала про инговые формы. А я думал про бабушкину собаку Ингу. И представлял, как инговые формы глагола то скалят зубы, то машут хвостом.

Англичанка, кстати, оказалась ничего. Хотя и странно было, умудриться пойти на английский вдвоем с Семеновой. Она, кстати, английский хо-

рошо знает. Что совсем не вяжется с ее сундуком. Из сундука со своей косой она должна говорить только: «Батюшка, привези мне цветочек аленький», а она на английском только так шпарит.

А после урока я пошел домой. И все думал о том, что у всех есть какие-то таланты. Кто-то на арфе играет. Ну я таких не знаю, конечно, но наверняка же кто-то играет. Тимур два раза выигрывал городские этапы олимпиад. Меня тоже когда-то на олимпиады отправляли, но я потом перестал ходить. Все равно дальше районного этапа не проходил, и какой в этом смысл? Для поступления все равно этого мало, не зачтется нигде. Да и куда поступать – не знаю. Наверное, хорошо, что у меня еще есть два года, чтобы подумать. Но в какой класс идти, уже сейчас надо решать.

А может, меня куда-то возьмут, даже в обычный класс, и что тогда? Буду в одном колледже с Вовчиком? Отлично просто.

Дома никого не было. Только Крошка. Единственное существо в мире, которое ко мне по-настоящему привязано. Кошка Крошка. Когда-то мне казалось это оригинальным.

Я съел суп. Он был невкусный, но другого не было.

Да, если я не поступлю, ничего хорошего не будет. Мне все равно, а вот мама расстроится.

Я поиграл в комп. В последнее время мне и играть как-то расхотелось. Такая тоска. Ну сыграю я. Ну и что дальше? Нет, ну все равно играю, конечно. А чем еще заниматься.

Вечером я поставил вариться макароны. Не то что бы я их сам хотел. Но почему-то подумал, что мама придет голодная. У нее сегодня какой-то проект в институте. Я бы, может, и что-нибудь повкуснее приготовил, но не умею.

Мама пришла, повесила пальто на вешалку. Я вышел ее встретить:

– Сосиску сварить?

А она смотрит, как будто у меня рога выросли. Или третий глаз во лбу прорезался. А потом говорит:

– Ну давай.

И это, конечно, странно было есть на ужин макароны и сосиску, потому что обычно мама что-то готовит мясное, с каким-то хитрым гарниром. Но вообще сосиски с макаронами – тоже вполне себе еда. И мы в общем-то сидели и ели совершенно молча. И это было необычно, потому что обычно мама пытается расспросить меня, как у меня в школе, что я получил. Я обычно киваю и говорю: «Все нормально». Ну потому что разве

ей расскажешь все то, что думаешь? Тут самому бы разобраться. И я уже начал удивляться, почему она ничего не спрашивает, когда она наконец спросила:

- Все в порядке?
- Все ок, мам. Ладно, я пошел.

Вставил наушники, чтобы она больше меня ни о чем не спрашивала, и пошел к себе.

Думаю, я бы с папой поговорил. Вообще мне кажется, он как-то мог бы объяснить, что такое происходит. Почему я вдруг пошел на инглиш. И какое мне вообще дело до этой Кати с косой из сундука. Хотя, думаю, папа и сам не знает. Но какой смысл об этом думать. Он поздно приходит. Нет, не то, что мы вообще не видимся. Видимся.

- Привет, па!
- Прива, сына!

Вот и весь разговор. А мне бы хотелось... Да что говорить об этом.

В общем, на следующее утро все повторилось.

Мерзкий звонок на мобильнике. Почему-то даже если поставить на будильник самую клевую мелодию, месяца не пройдет, как она станет самой мерзкой.

Потом ванная, контактные линзы. И все четко.

Сегодня Семенова сидела в шапке. Вот реально, в самой настоящей зимней вязаной шапке. Самое ужасное в этой шапке, что она, похоже, была из того же бабушкиного сундука, из которого вынырнула вся Семенова. Катя натянула эту глупую шапку и косу в нее спрятала, и эта коса выпирала у нее из шапки. И, наверное, норовила вылезти, потому что Катя то и дело эту шапку поправляла рукой.

Вовчик сидел через два ряда от нее и ухмылялся.

- Что, крысá замерзла?

Зашла Максимка:

- Катя, это что за новости? Сними шапку, ты на уроке.

Но Катя была совсем как чумная.

Она сдернула шапку, свырнула ее на пол и побежала из класса, хлопнув дверью.

Максимка опешила. Я думал, она так и останется на весь урок стоять с открытым ртом, но она в конце концов рот закрыла. Только покачала головой:

- Совсем уже дети с ума сходят. С этим ОГЭ чокнешься!
- Да она у нас крысá-истеричка, Настась Максимовна! – гоготнул Вовчик.

- Хватит, Вова!

И тут она начала разговор, который лучше бы не заводила.

- Я хочу серьезно поговорить с вами, девятый «Б». Что произошло вчера на уроке английского? Елена Львовна сказала, что на уроке присутствовали только Семенова и Миронов.

И так как от Кати в классе осталась лежать только дурацкая шапка, все повернулись ко мне.

- Еще одна такая выходка, и мы всем классом пойдем к директору. С вашими родителями и объяснительными в департамент образования.

Максимка нас часто пытается напугать департаментом образования. Как будто бы это что-то для нас значит.

- Все, начинаем урок. Тема урока – Анна Ахматова.

И пока Максимка рассказывала, что она научилась «просто, мудро жить», в чатике просто и совсем не мудро написали: «Семеновой бойкот, Миронова – на разговор».

Они, походу, ничего умнее бойкота придумать не могут. И опять – что бы им меня не бойкотировать? Ну так, для разнообразия.

На перемене Вовчик, Лена «энд ко» и остальные окружили меня. Выстроились вокруг меня, как вокруг новогодней елки.

Грихи среди них не было, что радовало. Ну и Кати, естественно, тоже.

- И что, хоровод теперь будем водить? – сказал я и всунул один наушник в ухо.

Меня выбесило, что вот они так сгрудились.

- Миронов, ты ошизел? – Лена попыталась изобразить взглядом презрение.

- Ты какого всех подводишь? – гавкнула Саша. Она вроде ничего, но всегда гавкает вслед за Леной. – Ладно эта...

Она скривилась.

- Слушайте, забыли, да? – Меня начало доставать вот это вот все.

- Ты совсем борзый стал, – сказал Вовчик. – Ты давай это бросай.

- Так это краш! Большая такая любовь к этой швабре Семеновой! – хмыкнула Лена. – Будет с ней жить в одном сундуке.

- И на английском говорить, – поддакнула Саша.

- Ха-рэ, а? – сказал я. – Я пошел.

- Никуда ты не пошел! Стоять, я сказал! – вытянул морду Вовчик.

Я же говорил, что он любит бычить.

- Тебе что надо, морда? Ты подрасти еще на пару сантиметров, а потом поговорим.

Я вообще никогда никого не троллю из-за роста. Ну мало ли у кого какие гены. Но этот придурок реально достал уже.

Но «этот придурок» размахнулся и вмазал мне со всей своей дури. А я ему. И мне хотелось только сильнее ему врезать. Ну потому что достало. Достали бойкоты. И ОГЭ. И вообще, все эти крысы и косы. И англичанки. Все вообще достало. И я видел перед собой только красное от злости лицо Вовчика. И тогда мне казалось, что именно в нем воплотилось все самое гадкое, что есть из своей жизни.

Как сквозь дым, я услышал вопли Максимки.

– Вова, Сережа! Вы совсем?

И она сказала непечатное слово.

Вот честное слово, Максимка, наша трижды распрекрасная учительница литературы, которая должна была прививать нам разумное, доброе, вечное, вдруг ругнулась матом. И, как ни странно, именно это выдернуло нас с Вовчиком из красного облака драки.

Мы стояли друг перед другом и пыхтели, как ненормальные. А Максимка верещала:

– Все, домой, оба! Я позвоню вашим родителям.

Вы совсем от рук отбились. Что с вами происходит?

Ну и так далее и тому подобное.

И мы пошли домой. Нам с Вовчиком, как назло, по пути. Он вообще живет со мной в соседнем подъезде.

Но я, конечно, развернулся и пошел в другую сторону.

Мне нужно было подышать воздухом. Да и вообще понять, что только что произошло. Весна хлупала под ногами. Как будто насмеялась. Вы так долго ждали весны? Пожалуйста, вот вам грязь и слякоть.

И так же слякотно и грязно было на душе.

Я пошел в магазин. Думал, куплю себе чипсов. А заодно корм Крошке.

И там, пока я выбирал, купить ей корм с кроликом или говядиной, я увидел англичанку.

И она, как и я, тоже держала в руках два пакета с кормом и вертела их в руках. Как будто бы она была совсем не взрослой. Взрослые-то не сомневаются. Взяли, что попало в руки, и пошли, глядя в пол.

Но англичанка растерянно рассматривала пакетики с кормом. И я подумал, что она-то ненамного старше меня. Наверное, лет на пять. Пять лет – это конечно, страшно много. Но с другой стороны, не пятьдесят же.

– У вас тоже кошка? – спросил я.

Она вздрогнула и улыбнулась.

– Ага.

Ну и учителя пошли. Одна ругается матом среди коридора. Другая говорит «ага», как будто нормальный человек.

– Только не кошка, а кот. Карл Иванович. Не спрашивай почему.

Вообще-то я и не собирался спрашивать. По-этому пожал плечами и сказал:

– Я, наверное, с кроликом возьму, – и уже собирался развернуться, чтобы идти в кассу.

И тут она спросила:

– А что с щекой? Я надеюсь, что это не связано с моим вчерашним уроком?

Я неопределенно хмыкнул.

– Ясно, – сказала она и вздохнула. – Знаешь, мы как-то тоже решили прогулять урок всем классом. И прогуляли. А потом узнали, что урока все равно не было, потому что у нашей учительницы за пару уроков до нас случился инсульт и ее увезли в больницу. Она долго потом болела, а потом умерла. Она старенькая была очень. И мы ни при чем, конечно. Это вообще никак не связано. Подумаешь, прогуляли. Просто совпадение. Но тем не менее.

А я стоял с пакетиком кошачьего корма в руках и совсем не понимал, почему она решила рассказать эту историю именно мне.

– Да ладно, вы же точно были не виноваты, – сказал я. – При чем здесь вы и инсульт?

– Да, ты прав. – И англичанка снова улыбнулась, но видно, что через силу.

– Ну тогда будем считать, что мы с Катей спасли вас от инсульта, – брякнул я.

И она рассмеялась.

– Да уж, будем считать, что так. Ну ладно, иди, я пока еще повыбираю.

– Ага, кролика берите! До свидания!

– До свидания!

И я уже почти ушел, когда она сказала мне вслед:

– Спасибо!

И я знал, что это спасибо было не за кролика.

Мама была уже дома.

– Угу! – сказала она, когда я вошел.

– Ну вот так вот, – сказал я.

– Суп будешь? Он невкусный, я знаю. Но другого нет.

– Да ничего, сойдет и невкусный.

И мама налила мне в тарелку суп и достала ложку, как будто бы я был маленьким. Каким-нибудь там четвероклассником или около того.

Но когда лежал ночью и рассматривал свет от фонаря на обоях, я думал о том, что просто не люблю несправедливость. Ведь очень несправедливо, когда когда-то ведет себя по-идиотски и некому сказать, чтобы он остановился. Несправедливо, когда тебя троллят за косу, потому что тебя бабушка достала из сундука. А вообще-то несправедливо, когда человека цепляют за то, что он не такой, как остальные.

- Расскажешь? – спросила она.
Я покачал головой.
- Уверен?
- Да ерунда, забей!
И я был благодарен, что она ничего не стала расспрашивать.
- Не надо так больше, ладно?
- Постараюсь.
- Ты хороший человек, знаешь?
Вот странно все-таки. Стоит только дать кому-нибудь по физиономии и еще и получить в ответ – так тебе скажут, что ты хороший человек. Вот где логика у этих взрослых?
- А мама, сощурившись, как будто только что прочитала мои мысли, добавила:
- Нет, ты хороший не потому, что подрался. Решать вопросы кулаками – последнее дело, ты знаешь. И все же ты хороший.

- Почему?
- Ты видишь хорошее в людях. Во всех без исключения.
- Я пошел к себе, почитал проклятия в свой адрес в чатике. Потом через несколько строк: «Ладно, оставьте Миронова в покое. Пусть это остается на его совести. Круто он Вовчику врезал».
- Дальше шло обсуждение нашей драки.
- А потом в личку от Лены:
- Ладно, Мирон, проехали. Вовчику давно пора было врезать.
- Я ответил смайлом в виде знака «ок».
- Мне тренькнуло уведомление о новом сообщении в контактике.
- Семенова. Я даже не знал, что она у меня есть в друзьях. В любом случае, раньше она никогда мне не писала, с чего вдруг сейчас пишет. Я даже напрягся и боялся читать ее сообщение. Что она, интересно, себе надумала? Может, возомнила, что я из-за нее подрался? Точно, сейчас спросит про драку. А может, напишет какую-нибудь сопливо-слащавое «тебе не больно»?
- А мне больно, конечно. Я что, киборг, что ли?
Но она написала:
- Мирон, а почему ты пошел на английский?
Я не знал, что ей ответить.
- Вдруг она думает, что из-за нее. А на самом деле не из-за нее, а из-за англичанки.
- И поэтому ответил:
- А ты?
- Хотя знал ответ. Потому что Катя – ботан. Она физически не может пропустить урок. У нее от этого, наверное, мир рухнет. Упадет в Великое море вместе со слонами и черепахой.
- Долго мельтешили точки: «...Екатерина печатает».
- И наконец упало:
- Мне стало ее жалко. Она придет, а там никого.
- Может быть, она бы, наоборот, обрадовалась. Йуху! Класа нет, можно идти домой. А мы ей все испортили.
- Катя отправила смайлик.
- Ты уже знаешь, в какой класс пойдешь?
Ну конечно, этот вопрос она точно не могла не задать.
- Понятия не имею.
- А чем ты хочешь заниматься?
Вообще это странно, конечно, переписываться в чате с отличницей, которой класс объявил бойкот за то, что она пошла на урок английского, на который ты тоже пошел.

– Вообще без понятия. Но точно не хочу стоять и ловить кого-то во ржи.

– О, ты тоже читал «Над пропастью во ржи»?

– Читал, мне не понравилось. Над пропастью ОГЭ – это понятно. А во ржи странная цель в жизни. Ты знаешь, что тебе объявили бойкот? Я даже не знаю, почему я спросил про бойкот.

Наверное, чтобы больше не говорить обо мне.

– Знаю, я тоже читаю чат.

– Ну вот и забей. И про косу забей. Она у тебя полюбас лучше, чем у Вовчика.

Еще один смайлик. Потом опять долго-долго скакали точки «...печатает». Реально долго, как будто Семенова и правда печатала на древней печатной машинке.

– А ты смешной. И много всего хорошего делаешь для людей.

Ну вот опять. Что за день такой сегодня, что меня в Робин Гуды записали.

Я вовсе не Робин Гуд. И хорошо, а то бы мне пришлось мерзнуть в английских лесах. Нет уж, мне в общем-то и здесь хорошо.

Я не стал отвечать.

Но когда лежал ночью и рассматривал свет от фонаря на обоях, я думал о том, что просто не люблю несправедливость. Ведь очень несправедливо, когда когда-то ведет себя по-идиотски и некому сказать, чтобы он остановился. Неправедливо, когда тебя троллят за косу, потому что тебя бабушка достала из сундука. А вообще-то несправедливо, когда человека цепляют за то, что он не такой, как остальные.

И кинуть учительницу только за то, что она пришла к нам в школу в середине третьей четверти, тоже несправедливо.

А еще несправедливо и нечестно, конечно, говорить человеку низкого роста, что он ростом не вышел. Ну правда, нечестно. И что, может, именно из-за этого человек на всех и бычит. Может, он вообще каждый день встает и висит на турнике в надежде вытянуться, а ничего не помогает.

Но и бычить на всех – тоже нечестно и несправедливо.

И пусть я совсем не знаю, в какой мне класс пойти и чем дальше заниматься. Но точно знаю, что не хочу, чтобы с людьми поступали несправедливо.

И да, кстати. Как оказалось, мне совсем не наплевать.